

КОНЦЕПТ «ЧЕРНОСОТЕНСТВО» В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: БЕГ ПО КРУГУ

Г.А. Ивакин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Москва, Проспект Вернадского, д. 84, к. 2.

.....
На протяжении советского периода правомонархизм рассматривался отечественными историками в рамках общеметодологических подходов к изучению непролетарских партий. Выступавшее идейно-политическим антагонистом большевизма черносотенство трактовалось как наиболее реакционное политическое течение дореволюционной России. В результате полноценной научной дискуссии по теме правомонархизма в советский период так и не состоялось, а советским историкам не удалось сформировать исторической концепции черносотенства как идейно-политического течения начала XX в.
.....

Ключевые слова: черносотенство, правомонархизм, советская историческая наука, историография, методология.

Проблема концептуализации объекта исследования является одной из основных в исторической науке. Концепция, будучи результатом осмысления накопленного материала, выступает в качестве методологического основания будущих исследований, формирует их направленность и содержание. Безусловно, особое значение концепция приобретает в изучении политической истории, которая сама зачастую политизируется, превращая реальное прошлое в политический миф. Именно такая судьба постигла в советский период историю правомонархического движения в дореволюционной России.

Как верно отмечает К.М. Бондаренко, «историография монархического движения в Российской империи начала XX в. включает в себя несколько периодов, отличающихся друг от друга методологией исследования, кругом привлекаемых источников, уровнем теоретических обобщений привлекаемого материала» [1, с. 50-109]. Несмотря на то, что изучение непролетарских партий началось фактически сразу после октябрьского переворота, в 1989 г. крупнейшие советские специалисты по данной тематике констатировали, что «слабее всего изучены черносотенные, правомонархические организации» [43, с. 15].

В данной статье мы попытаемся проследить процесс концептуализации темы правомонархизма в советской исторической науке.

На наш взгляд, в советской историографии проблемы можно выделить три основных временных периода, характеризующихся различиями как в методологии, так и в степени интенсивности изучения темы: 1920–1930-е гг.; 1940–1950-е гг.; 1960–1980-е гг.

1920–1930-е гг.: идеологизация проблемы

Уже с начала 1920-х гг. правомонархизм стал объектом изучения советских авторов. Этот период был временем заметной свободы в исторической науке [72, с. 103], когда идеология ещё не подменила собой научный поиск, а доступ к архивным материалам не был ограничен¹. Тем не менее, как верно отмечает В.Г. Кичеев [29, с. 89], несмотря на благоприятные условия, первой работой именно по истории монархических партий стала вступительная статья В.П. Викторова к сборнику документов «Союз русского народа» (по материалам ЧСК), вышедшая только в 1929 г. [56]. В 1920-е гг. работы, связанные с правомонархической проблематикой, выходили у таких авторов, как С.Б. Любош, А.Н. Слепков, С.Г. Томсинский, Д.О. Заславский, Б.П. Кандидов, В. В. Бруснянин, В.П. Викторов, И.И. Коган,

А.Е. Евгеньев (А.Е. Кауфман), Б.Н. Кандидов, Ф.М. Путинцев, Г.Д. Костомаров. Анализ данных работ показывает, что в массе своей они носили публицистический и пропагандистский характер. Правомонархизм в них определялся как «русский фашизм» [39], а черносотенцы – как «каратели» [31]. Некоторых из перечисленных выше авторов с трудом можно назвать историками: С.Б. Любош – журналист, театральный критик; Д.О. Заславский – литературовед, литературный критик; Б.П. Кандидов – общественный деятель, организатор Центрального антирелигиозного музея в Москве; А.Е. Евгеньев (А.Е. Кауфман) – журналист.

Авторов этого периода в первую очередь интересовала погромная деятельность черносотенцев, а также их связь с православной церковью [24, 69, 70] (ввиду развернувшейся антирелигиозной кампании). В ряде работ рассматривалась парламентская работа правомонархистов [56, 73], давались характеристики отдельным представителям движения [39, 17].

Например, для А.Н. Слепкова приоритетом была партийная работа, так что и его труд носит ярко выраженный идеологизированный характер. Автор рассматривает не столько законодательную работу представительного органа власти, сколько классовые противоречия в партийной борьбе [55]. В трудах С.Г. Томсинского анализируется связь правомонархизма с торговым капиталом и интересами дворянства [72]. Монографии А.Н. Слепкова и С.Г. Томсинского – это небольшие по объёму (103 и 175 с.) публицистические издания, на что указывают не только ориентация на позицию М.Н. Покровского, но и опора на узкую источниковую базу, представленную опубликованными материалами. Например, С.Г. Томсинский в работе по второй Думе использовал всего 32 издания.

Вскоре после публикации этих работ их авторы вступили в полемику со своим учителем, выступив «против чрезмерного преувеличения роли торгового капитала», и «высказались против определения самодержавия как политически организованного торгового капитализма» [70]. Это было начало критики школы М.Н. Покровского, как не соответствующей марксистско-ленинской интерпретации исторического процесса.

Первоначально методология исследования правомонархизма подменялась чистым классовым подходом. С 1925 г. она определялась установками «школы Покровского», изложенными в статье М.Н. Покровского «Мир и реакция» [74]. Её лейтмотивом стала идея о тотальной реакционности правомонархизма, на который

¹ Режим пользования архивными документами ужесточился лишь к концу 1920-х гг. В 1927 г. изменились правила работы в архивах: были образованы «особые части», материалы которых выдавались в исключительных случаях по согласованию с Централархивом. Кроме того, вводился контроль за выписками и копиями документов. В 1929 г. в связи с «академическим делом» работа учёных-историков была поставлена под ещё более жёсткий административный и партийный контроль, а доступ ко многим архивным источникам ограничен. Подробнее об этом см. [19, с. 129–141].

■ История

возлагалась вина за все кровавые эпизоды революции 1905–1907 гг. В качестве «источниковой» базы М.Н. Покровским использовались большевистские издания тех лет (такие как, например, «Пролетарий»). В результате «черносотенники»² представлялись группой погромщиков, а «позиция руководства правых партий подменялась примерами несанкционированных столкновений отдельных монархически настроенных групп населения с приверженцами либеральных и радикальных взглядов» [26].

Источниковая база исследований 1920-х гг. включала в себя в первую очередь официальные опубликованные документы органов власти, такие как стенографические отчеты заседаний Государственной Думы [12], а также следственные материалы (материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства [57]). Кроме того, привлекалась дореволюционная большевистская пресса (М.Н. Покровский), работы дореволюционных авторов (С.Г. Томсинский), черносотенная пресса (С.Б. Любош), материалы православной церкви (Б.В. Титлинов, Ф.М. Путинцев), документы и материалы Николая II (В.П. Семенников [52]). При этом полностью отсутствовали документы и материалы (как личного, так и официального характера) самих правомонархических союзов и организаций, которые впервые были опубликованы (но не проанализированы!) только в 1929 г.

Трудно согласиться с высказанным рядом исследователей мнением, будто в 1920-е гг. в оборот была введена «масса архивных источников» [61, с. 9], а авторами использовался «значительный корпус документов» [29, с. 36]. На наш взгляд, в тот период так и не началась разработка исторической концепции черносотенства. Проведённый анализ, напротив, заставляет согласиться с утверждением о слабости источниковой базы исследований 1920-х гг., высказанным советской наукой в первой половине 1980-х гг. [44].

Неразрешённой осталась проблема политической идентификации правомонархизма, не говоря уже об отсутствии в работах того периода различий между отдельными правомонархическими организациями. В ряде случаев мы можем говорить и о бездоказательном «навешивании ярлыков»: например, на 56 страницах книги С.Б. Любоша «Русский фашист Владимир Пуришкевич» термин «фашизм» или «фашист» не употребляется ни разу, он присутствует лишь в названии работы [39]. Двадцатые годы XX в. стали десятилетием идеологизации и политизации темы, но её реального научного осмысления не велось. Более того, ангажированная позиция авторов приводила к искажению социального

состава движения, численности и политической сущности.

С начала 1930-х гг. представляется возможным проследить несколько тенденций. На первый план вышло противостояние научной школе М.Н. Покровского, в связи с чем имела место переоценка многих её постулатов, в том числе связанных с политическими процессами в царской России. Знаковый характер имела ликвидация в 1936 г. возглавлявшейся М.Н. Покровским Коммунистической академии. Как отмечает А.И. Вдовин, «к преодолению ошибок его школы были привлечены ранее осуждавшиеся как «великорусские националисты» историки дореволюционной школы. Выученики «школы Покровского», не сумевшие правильно сориентироваться в новых условиях, были репрессированы» [78].

В советской исторической науке стала складываться новая «национальная» школа во главе с историком-медиевистом академиком Б.Д. Грековым. В конце 1930-х гг. окончательно были разгромлены представления школы М.Н. Покровского о связи царизма и черносотенства с торговым капиталом. В 1939 г. ученики «школы Покровского» («оголтелая банда врагов ленинизма») были зачислены в ряды «троцкистско-бухаринских наймитов фашизма, вредителей, шпионов и террористов» [48, с. 128].

Рассмотрим данный период изучения темы подробнее. В начале 1930-х гг. продолжилась тенденция политизации темы при снижении научного уровня её изучения. В работах данного периода черносотенцы фигурировали как «сброд всех деклассированных элементов», среди которых также были «жандармы, дворники, шпионы, полицейские», часть «незадачливых интеллигентов, сановников, бюрократов, помещиков, купцов и без конца духовных пастырей» [50, с. 77]. В целом же движение рассматривалось как «прочный союз «русских людей» из московских купцов, монахов, разного рода базарных торговцев и подонков преступного мира» [35, с. 17]. При этом крайне показательно, что такой автор, как Г.Д. Костомаров, ещё в 1920-е гг. возглавлял Московское губернское архивное бюро, т.е. имел доступ к реальным документам, которые, тем не менее, не были использованы.

Основным направлением исследований стало изучение союза православной церкви и правомонархизма (Г.Д. Костомаров, Н.М. Ростов, Б.П. Кандидов, Ф.К. Попов [50])³. В работах этих авторов нашла развитие идея, высказанная в 1920-е гг. Так, Н.М. Ростов вслед за И. Коганом писал об организаторской роли представителей церкви в черносотенном движении, заявляя, что

² Именно это слово М.Н. Покровский употреблял в своей статье.

³ Как представляется, появление в 1930–1931 гг. работ по данной тематике напрямую связано с принятием 8 апреля 1929 г. Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», а также с принятием в мае 1929 г. на XIV Всероссийском съезде Советов новой редакции ст. 4 Конституции РСФСР, касавшейся «свободы религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды». Новый виток антирелигиозной кампании повлек за собой и новые работы, интеллектуально «подкреплявшие» действия властей.

Союз русского народа был «делом их рук» [51, с. 77]. Ту же мысль проводил и Г.Д. Костомаров, утверждавший, что церковь «организовала отряды черной сотни» [35, с. 3], и Б.П. Кандидов [24]. Очевидно, что данные выводы ни в коей мере не соответствовали действительности и были результатом предвзятого идеологизированного подхода к проблеме. Безусловно, церковь активно участвовала в черносотенном движении, но не была его инициатором. Общеизвестно, что черносотенство как идейно-политическую силу поддерживали многие представители высшего духовенства, среди которых следует выделить митрополитов Московского Владимира и Киевского Флавиана, епископов Таврического Алексея и Житомирского Антония (Храповицкого), а также видных религиозных деятелей: Иоанна Кронштадтского, протоиерея Восторгова, а также будущего патриарха Тихона.

Несколько особняком стоит работа адвоката, правоведа А.С. Тагера, в которой затрагивался вопрос участия А.И. Дубровина в судебном разбирательстве в ходе процесса Бейлиса, но попутно давались и авторские характеристики правомонархизма в целом. В частности, А.С. Тагер определял Союз русского народа как «активнейшую партийную организацию объединившегося дворянства», а сам процесс как «почин объединённого дворянства и Союза русского народа» [67, с. 30, 259]. Следует обратить внимание на источниковую базу исследования А.С. Тагера: материалы ЧСК, дореволюционные печатные издания, стенографические отчёты ГД, черносотенная пресса («Двуглавый орёл», «Русское знамя» и др.), а также архивные материалы Центрального архивного управления РСФСР (документы министерства юстиции, иностранных дел, Синода и т.д.) и материалы Особого отдела Департамента полиции, хранившиеся в Историко-революционном архиве. Пожалуй, только эту работу мы можем с полной уверенностью квалифицировать как научную и в чём-то даже объективную.

Таким образом, в 1930-е гг., как и в предыдущий период, изучение правомонархизма шло в русле партийно-государственного запроса на научно-интеллектуальную поддержку действий власти. С одной стороны, черносотенство использовалось для окончательной дискредитации православной церкви, с другой – для демонстрации межнационального мира и согласия в СССР на контрасте с «дореволюционным антисемитизмом»⁴. Таким образом, сложно согласиться с мнением С.А. Степанова о том, что тема черносотенства выпала из числа разрешённых для

исследования, поскольку оказалась связанной с темой фашизма [63, с. 10]. Напротив, кажется странным, что это направление не получило дальнейшего развития в работах советских авторов рассматриваемого периода. Впрочем, в 1938 г. в исследовании Г. Барандова заявлялось о «мутной волне черносотенной реакции» и безудержном «черносотенном национализме» [6, с. 34-35], а в 1939 г. связка «черносотенство-антисемитизм» прозвучала в последней за тот период работе, написанной Е.Д. Черменским. В ней автор утверждал, что именно черносотенцы устраивали убийства «революционеров и еврейского населения» [75, с. 147].

Неправомерным выглядит утверждение отечественного исследователя Д.И. Стогова о том, что «в 1930–1960-х гг. тема черносотенного движения вообще оказалась вне поля рассматриваемой советской историографии» [65, с. 12]. Другое дело, что, находясь «в поле зрения», она так и не получила своего изучения. В то же время, необходимо констатировать, что в сравнении с предыдущим десятилетием, в 1930-е гг. вышло на порядок меньше работ, так или иначе связанных с историей правомонархизма. Во многом это было обусловлено новым «методологическим кризисом» в изучении темы, который стал следствием разгрома «школы Покровского»⁵ и утверждения ведущей роли И.В. Сталина в советской науке. «Краткий курс ВКП(б)» задавал однозначный тон исследованиям, определяя правомонархизм как созданные властью «бандитские полицейские организации», в которые входили «реакционные помещики, купцы, попы и полууголовные элементы из босяков» [22, с. 75]. Очевидно, что подобная характеристика лишала черносотенство места в политической системе дореволюционной России: правомонархические союзы и организации определялись как «банды», а не партии, изучение их объявлялось излишним и ненужным.

1940–1950-е гг.: период стагнации

В течение двух десятилетий (40–50-е гг.) изучение истории непролетарских партий практически не велось; «господствующим стало мнение, что история контрреволюции не является заслуживающей внимания темой исследования» [18, с. 5-66]. Это не значит, что в свет не выходило научных работ по дореволюционной социально-политической истории, но правомонархизм затрагивался в них лишь попутно, в рамках анализа истории ВКП(б) [11, 13, 30, 40, 47, 75]. В качестве примера можно привести вышедшую в 1940 г. монографию А.М. Панкратовой «Пер-

⁴ Заметим, что второе издание книги А.С. Тагера, в которой, в том числе, и на архивных материалах доказывалось, что еврей М. Бейлис не совершал ритуального убийства, а был «подставлен» Союзом русского народа, вышло на следующий год после прихода к власти в Германии нацистов.

⁵ Со второй половины 1930-х гг. в советской исторической науке стала складываться новая «национальная» школа, основание которой связывается с деятельностью академика Б.Д. Грекова. Ряд последователей М.Н. Покровского, занимавшихся политической историей дореволюционной России, и вовсе были репрессированы (например, С.Г. Томсинский).

■ История

вая русская революция 1905–1907 годов». В ней черносотенство характеризовалось как «банды» из «подонков населения», организованные под руководством петербургского генерал-губернатора Д.Ф. Трепова [49, с. 108]. Несколько абзацев в этой работе посвящено погромной деятельности черносотенцев, которая, согласно утверждению Панкратовой, осуществлялась «под предводительством полиции» [49, с. 108, 132]. Черносотенцы упоминаются и в контексте так называемых карательных экспедиций 1906 г., когда они, как полагала А.М. Панкратова, действовали совместно с царскими военно-полевыми судами [49, с. 162]. Кроме того, автор обвиняла черносотенцев в разжигании межнациональной розни («Чёрная сотня натравливала одну часть населения на другую» [49, с. 164]), приводя в пример правомонархический антисемитизм. В последний раз черносотенцы кратко упоминались в работе в связи с рассмотрением во II Государственной думе аграрного вопроса: А.М. Панкратова указывала, что они сомкнулись с октябристами в поддержке столыпинского проекта реформы [49, с. 176].

В самом начале 1950-х гг. вышло второе, дополненное, издание работы А.М. Панкратовой. В главе «Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года» появился раздел «Мобилизация сил контрреволюции», в котором кратко рассматривался процесс организации правомонархических организаций и объединений, таких как «Всероссийский союз землевладельцев», «Совет объединённого дворянства», «Союз русского народа». Оценки, высказанные ранее, в переиздании повторялись.

Конец 1950-х гг. ознаменовался выходом в свет монографии Б.М. Тамаркиной, в которой черносотенство упоминалось в связи с решениями V съезда РСДРП, в резолюции которого давалась «классовая и политическая характеристика всех непролетарских партий» [68, с. 76]. Черносотенство в ней рассматривалось как движение «крепостников-помещиков», стремившееся «путём национальной травли и организации погромов потопить революцию в крови междоусобной войны» [68, с. 77].

Как представляется, в рассматриваемый период из всех непролетарских партий именно правомонархизм с точки зрения его исследования оказался в непростой ситуации. Во-первых, в работах 1920–1930-х гг. указывалась на его тесную связь с православной церковью. Но с началом Великой Отечественной войны советское государство стало пересматривать свои отношения с православием, в связи с чем связка «черносотенство-православие» не могла более фигурировать на страницах исторических исследований, как компрометирующая церковь.

Во-вторых, в 1940-е гг. произошёл пересмотр взглядов государства на проблему национализма и государственного патриотизма. В 1941 г., накануне войны, Сталин впервые выдвинул тезис о борьбе с «безродным космополитизмом»,

которому должен противостоять «правильно понятый национализм». В этом свете патриотизм и национализм правомонархистов во многом терял свой шовинистический характер.

Не менее актуальными оказывались и взгляды черносотенцев на Германию и немцев, что в условиях войны было крайне важно: «Немецкое засилье настолько пагубно для нас, что каждому очевидно. Немцы десятки лет готовились в Германии для разгрома России...» [9].

Нельзя не упомянуть и сталинскую антисемитскую кампанию, которая перманентно развивалась на протяжении конца 1930 – первой четверти 1950-х гг. Уже в 1939 г. Сталин заявлял, что «ждёт лишь того момента, когда в СССР будет достаточно своей интеллигенции, чтобы полностью покончить с засильем в руководстве евреев» [52, с.173]. Как здесь не вспомнить постановление Всероссийского Съезда русских людей [10], определявшее не допускать евреев на государственную и общественную службу?

Таким образом, изучение черносотенства становилось в какой-то степени даже опасным, так как идейные и идеологические параллели со сталинским режимом прослеживались слишком явно. Мы не берёмся утверждать, что приведённые выше факты и совпадения напрямую повлияли на замалчивание темы в научных исследованиях 1940–1950-х гг., но не учитывать этого обстоятельства, на наш взгляд, нельзя.

Как бы то ни было, именно в послевоенный период началось «сталинское» изучение непролетарских партий (шире – движений), направленное на выявление патриотических тенденций в дореволюционных политических организациях. Как мы указали выше, черносотенство (ввиду своей исторической близости и сложности взаимоотношений с другими социальными акторами) не могло стать предметом исследования в рассматриваемый временной промежуток. Но более отдалённые по времени политические организации вполне подходили для этой цели. В 1947 г. вышла первая крупная работа М.В. Нечкиной [45; 46] по истории декабризма.

Тогда же возродилось изучение деятельности Государственной думы [1, 2, 16], хотя, опять же, черносотенство рассматривалось лишь эпизодически, в качестве «фона» деятельности фракции большевиков. В 1947 г. Е.Д. Черменский защитил оставшуюся в рукописи докторскую диссертацию «Борьба классов и партий в IV Государственной думе» [79].

С конца 1950-х гг. ситуация с изучением истории начала XX в. стала меняться. Разработку проблем дореволюционной политической истории начал сотрудник Института истории АН СССР А.Я. Аврех, впоследствии крупный специалист по отечественной истории XX в. Его труды этого периода, в значительной мере основанные на стенографических отчётах заседаний Государственной думы, посвящены деятельности III Государственной думы, в которой были широко представлены черносотенные

партии и союзы. В тот же период вышла работа кандидата исторических наук Л.В. Завадской, в которой черносотенная тематика затрагивается в контексте обсуждения аграрного вопроса в I Государственной думе.

Данные и другие публикации во многом были связаны с так называемым «новым направлением» советской исторической науки, стремившимся к воплощению курса XX съезда в исторических исследованиях и к преодолению сталинских догм. Представители «нового направления» (наиболее яркие из них – молодые сотрудники Института истории АН СССР кандидаты наук П.В. Волобуев, К.Н. Тарновский, И.Ф. Гиндин, а также А.Я. Аврех [8]) направили своё внимание на исследование политической надстройки самодержавия, включая либерально-буржуазные и реакционные партии. Историки этого круга, так и не получившего институционального оформления, стремились отойти от вульгарного социологизма советского идеологического официоза. В своих работах они указывали, что уровень развития российского монополистического капитализма необоснованно преувеличен, поэтому отсутствует основание связывать Октябрьскую революцию со зрелостью русского капитализма. Полемизуя с «Кратким курсом», постулировавшим закономерность революции, они ставили вопрос об альтернативности развития российского общества [69].

Подводя итог рассмотрению периода сталинизма, можно сделать вывод о том, что черносотенство как объект исследования выпал из предметной области отечественной исторической науки. Но, и это необходимо подчеркнуть, подобная судьба коснулась практически всех непролетарских партий, хотя правомонархизм, как специфический историко-политический феномен, безусловно, стоял несколько особняком в процессе написания сталинской версии истории дореволюционной России.

1960–1980-е гг.:

попытки научного изучения

С начала 1960-х гг. с общим послаблением политического режима в СССР – «оттепелью» – сделалось возможным научное изучение проблемы. Впервые с 1920-х гг., хотя и ограниченно, был открыт доступ к архивным материалам. С методологической точки зрения важнее произошедший как на государственном, так и на научном уровне возврат к ленинской трактовке (в противовес сталинской) дореволюционной полити-

ческой истории, в которой действовали всё же политические партии, а не «полицейские банды», «отряды контрреволюционных сил» и т.д. Правда, исследовательские возможности историков были существенно ограничены сохранением другой теоретико-методологической крайности: невозможностью отхода от ленинских оценок. В качестве примера можно привести вышедшую в 1965 г. работу В.В. Комина, в которой частично затрагивается деятельность правых накануне и в ходе Февральской революции. Программы правых, их идеология излагаются автором исключительно на основе трудов В.И. Ленина (крайне бегло, прямыми цитатами). И всё же, описывая позицию В.М. Пуришкевича в ходе Февральской революции, В.В. Комин использует архивный документ [32, с. 131].

Деятельность черносотенцев в стенах Государственной думы посвящена монография 1966 г. А.Я. Авреха, в которой в качестве основного источника использовались Стенографические отчёты ГД. Здесь же, опираясь на работу А.С. Тагера, А.Я. Аврех кратко рассматривал участие черносотенцев в «деле Бейлиса». Данные в работе оценки черносотенству носят скорее эмоциональный, нежели научный характер («царь нацепил на себя и наследника значки Союза русского народа», «хрипло-визгливый голос» В.М. Пуришкевича и т.д. [3, с. 5, 27]).

Заметная активизация в изучении непролетарских партий наметилась в 1970-е гг. В 1970-м вышел в свет факультативный курс лекций В.В. Комина «История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России» [33]. Показателен сам факт того, что в 1970-е гг. началось самостоятельное изучение (в рамках учебных курсов) непролетарских партий⁶. Вторая и третья лекция курса В.В. Комина назывались «Правые монархические партии Союза русского народа и его филиалы». В.В. Комин отвергал упрощённую версию В.П. Викторова 1929 г., по которой раскол в правомонархическом лагере был вызван «беспринципной грызнёй между отдельными руководителями из-за правительственных субсидий» [41, с. 27]. По версии В.В. Комина, правительство само допустило раскол Союза русского народа ввиду его ненужности в условиях спада революционного движения в стране. В своём курсе лекций В.В. Комин впервые высказал мысль о необходимости разделения правомонархистов и националистов при всей их внешней схожести. С другой стороны, В.В. Комин повторял клише о социальном составе правомонархизма (мелкая

⁶ Стоит отметить, что КГПИ им. М.И. Калинина (с 1970 г. – КГУ) был скорее исключением, нежели правилом: именно на его базе в 1976, 1979, 1981, 1987 и в 1989 гг. проходили конференции («калининские симпозиумы»), посвящённые изучению непролетарских партий в дореволюционной России. Среди их участников были И.И. Минц, Л.М. Спиринов, К.В. Гусев, Л.Б. Протасов и др. Во многом научный подход к изучению черносотенства удавалось реализовать благодаря распространению идей «нового направления». Однако в ходе совещания в ЦК в марте 1973 г. оно было подвергнуто критике как не соответствующее установкам марксизма-ленинизма. С того времени историкам, занимавшимся дореволюционной Россией, приходилось быть крайне осторожными в своих оценках, чтобы избежать обвинений в ревизионизме.

■ История

буржуазия, мещане, деклассированные элементы). Черносотенный консерватизм понимался историком как реакционность. Лекции были основаны на материалах ЧСК и опубликованных в 1927 г. материалах и документах Николая II [41]; В.В. Козин использовал также статью В.П. Викторова и работы В.И. Ленина.

В 1977 г. в свет вышла монография Г.З. Иоффе «Крах российской монархической контрреволюции». Вопреки названию, монография практически не затрагивала историю правомонархизма, ограничиваясь констатацией краха черносотенства накануне Февральской революции. Кратко характеризуя черносотенство во введении к работе (четыре абзаца), Г.З. Иоффе опирался исключительно на цитаты В.И. Ленина. Пожалуй, наиболее интересна в данной работе завершающая седьмая глава [21, с. 265-306], где автор по материалам кратко анализировал деятельность монархистов-эмигрантов в 1921–1933 гг. Источниковой базой анализа послужили материалы монархической прессы («Двуглавый орёл» и др.), зарубежной прессы (Die Rote Fahne), мемуары эмигрантов и труды зарубежных авторов (R. Williams, Н.-Е. Volkman). Лейтмотивом главы стала мысль о тесном и естественном сотрудничестве между русским монархизмом и европейским фашизмом в 1920–1930-е гг.

В том же 1977 г. была издана монография Л.М. Спирина, автор которой, полемизируя с исследователями 1920-х гг. В.П. Викторовым и В.Н. Залежским, опровергал мнение о том, что черносотенство являлось предтечей фашизма [58, с. 66]. Кроме того, в исследовании подвергались критике предшествующая оценка численности черносотенного движения, его маргинальный характер, в связи с чем был поставлен вопрос о необходимости более тщательного изучения социальной базы черносотенных организаций.

Исследование В.С. Дякина (1978 г.) затрагивало проблему правомонархизма в контексте политики П.А. Столыпина. Автор прямо писал, что «правые и Столыпин не одно и то же» [15, с. 221], так как именно против них он боролся в стенах Государственной думы. Следует заметить, что подобная трактовка отличалась от ленинской («погромщик Столыпин» [37, с. 327]), что вызвало недовольство части историков и, в частности, А.Я. Авреха, который подверг критике взгляды В.С. Дякина.

А.Я. Аврех причислял П.А. Столыпина к правомонархическому движению [80], что типично для советской исторической школы, а В.С. Дякин указывал, что столыпинский проект не имеет ничего общего с интересами и идеалами правомонархических сил [14; 15]. Позиции В.С. Дякина были близки к тому, что в «советской терминологии называли «меньшевизмом»» [38, с. 34]. Именно с этой точки зрения он рассматривал социальную обусловленность политических движений дореволюционной России.

В конце 1970-х гг. было защищено два диссертационных исследования по правомонархической проблематике [5, 66].

Е.К. Сысоева рассматривала деятельность Комиссии по организации общеобразовательных чтений в г. Москве, выявляя их идеологическую роль в черносотенной агитации, в то время как А.А. Бажин в традиционном для советской исторической науки ключе подходил к черносотенству сквозь призму большевизма и его борьбы с непролетарскими партиями.

В 1982 г. в свет вышел сборник материалов конференции Калининградского Государственного университета, ставший своего рода этапным событием в изучении непролетарских партий [42]. Хотя непосредственно черносотенцам в сборнике посвящена лишь одна статья [74, с. 66-74], тем не менее он заложил новые методологические основы изучения многопартийности в дореволюционной России. В частности, была предложена новая классификация партий (либеральные и консервативные вместо буржуазные и реакционные), а также фактически провозглашался возврат к методологическим принципам школы М.Н. Покровского [57, с. 4, 10]. И.А. Чемериский в своей статье соглашался с взглядом С.Б. Любоша и В.Н. Залежского на черносотенство как на фашизм (его версию или предтечу) [74, с. 69]. В то же время взгляды таких авторов 1920-х гг., как Б. Кандидов и Г.Д. Костомаров, характеризовались как «несколько упрощённый подход. Соглашаясь с мнением В.В. Комина, высказанным в 1970 г., И.А. Чемериский также отмечал, что нельзя объяснять раскол в правомонархическом лагере «исключительно дракой за казённые субсидии» [74, с. 68-69].

В первой половине 1980-х гг. происходило некоторое углубление в изучении темы. Авторами анализировались программы партий, рассматривались их организационные основы, делались попытки установления различий между отдельными организациями. При этом при определении численности использовались более ранние исследования (например, работа Л.М. Спирина). В качестве источниковой базы привлекались черносотенные издания, работы дореволюционных авторов, а также крайне немногочисленные архивные материалы [44].

В объёмной (663 с.) коллективной монографии «Кризис самодержавия в России» (1984 г.) черносотенцы упоминались только дважды (на двух страницах) в связи с их нежеланием заниматься реальной законодательной работой в стенах Государственной думы [36].

Со второй половины 1980-х гг. «коллективными усилиями ряда учёных под руководством академиков И.И. Минца и М.В. Нечкиной» история политических партий стала обсуждаться более интенсивно [18, с. 5-66]. Тем не менее, следует отметить, что внимание исследователей вновь было в большей степени обращено к мелкобуржуазным партиям, в то время как правомонархизм практически не изучался. В коллективной работе 1989 г. «Непролетарские партии России в трёх революциях» правомонархические

организации рассматривались не отдалённо, а в разделе буржуазных партий. Из 12 статей этого раздела черносотенцам посвящено два, при этом пятистраничная статья Н.Г. Королёвой содержала две ссылки на архивные источники (на те же источники, которые были использованы в коллективном труде 1984 г.). В статье С.А. Степанова также использованы два архивных источника (воззвание Союза русских людей (ЦГАЛИ. Ф. 1393) и коллекция документов о Союзе русского народа (ЦГАОР СССР без указания фонда, дела и листа). Н.Г. Королёвой были уточнены данные о количественном составе правомонархических организаций (на материале ОО ДП) [34], а С.А. Степановым сделана попытка сравнительного анализа их программных документов [60; 61; 62].

В том же 1989 г. в свет вышла комплексная и фундированная монография А.Я. Авреха «Царизм накануне свержения». Черносотенцам в ней отводился отдельный раздел, практически полностью базированный на архивных источниках. Повторив клише прежних десятилетий («подонки», «босаяцкий и уголовный элемент»), автор представил в данной работе ценнейший фактологический материал [4, с. 6, 214]. Кроме того, глубокими были и сделанные в работе выводы о разрушительной для монархии роли черносотенства.

Следует отметить, что во второй половине 1980-х появились первые работы, затрагивавшие региональные аспекты деятельности черносотенных организаций [20; 64]. В 1990-х гг. эти исследования разовьются в ряд серьёзных работ.

Д.В. Карпухин полагает, что можно говорить о концептуализации темы черносотенства на различных этапах её исследования. Российский исследователь считает, что уже на дореволюционном этапе была выдвинута «концепция политических предпосылок возникновения черносотенства», в то время как в советский период доминировала трактовка правомонархических партий как выразителей экономических и политических интересов господствовавших классов — дворянства и буржуазии [25]. В.Ю. Рылов, отмечая, что «исследование С.А. Степанова «Чёрная сотня в России 1905–1914 годов»... как бы подводило черту под советской историографией правых партий», указывал на «отсутствие чётких выводов и выраженной концепции» [53]. Фрагментарность исследовательского подхода советских историков привела к тому, что освещение получили отдельные аспекты черносотенства, но концептуализация темы так и не произошла. Место правомонархизма в политической системе дореволюционной России не было определено советской исторической наукой. Черносотенство оценивалось как реакционное политическое течение, что не позволило историкам представить полную и объективную картину зарожде-

ния, развития и кризиса правомонархического движения, вписанную в дореволюционные политические процессы. В советской исторической науке «как бы в тени оставались такие важные аспекты, как численность партий, их состав, размещение местных организаций» [27, с. 71].

Хотя советская историография так и не смогла сформировать полноценного концептуального подхода к проблеме правомонархизма, это нисколько не умаляет достоинства работ советских историков. По мере развития советской исторической науки расширялся круг проблем, связанных с организацией правомонархического движения, его социальной базой, классовой сущностью, идеологическими установками и численностью. В исследованиях последних десятилетий существования советской власти большое место уделялось политическим механизмам парламентской монархии, роли в их деятельности черносотенных партий и организаций. Источниковая база советских исследований по проблемам правомонархизма включала широкий спектр опубликованных и архивных материалов, но документы, непосредственно связанные с организацией и деятельностью черносотенных союзов, оказались в сфере внимания советских историков только на заключительных этапах развития советской исторической науки, и то частично.

Начиная с 1960-х гг. и на протяжении 1970-х гг. советские историки пытались более объективно подойти к изучению дореволюционной политической системы. В своих исследованиях они рассматривали вопросы идеологии и практики правомонархизма, в научных дискуссиях вырабатывались новые подходы. Разногласия порой приобретали острый характер (например, между А.Я. Аврехом и В.С. Дякиным), во многом способствуя формированию критического научного подхода, приведшего впоследствии к переоценке роли черносотенства в российской истории.

Новым этапом в изучении темы стали 1980-е гг., особенно их вторая половина. Но, несмотря на попытки советской исторической науки в отношении правомонархизма так и не удалось выйти на новый методологический уровень. Правомонархизм как объект исследования остался без серьёзной теоретико-методологической базы, что незамедлительно сказалось на качестве работ первых постсоветских лет. Отсутствие методологического инструментария вновь привело к идеологизации тематики, хотя теперь уже во многом в апологетическом ключе. По сути, зеркально повторилась ситуация начала 1920-х гг. Круг замкнулся для того, чтобы в последующий период уже новое поколение историков приступило к полноценной разработке темы.

Список литературы

1. Аврех А.Я. III Дума и начало кризиса третьеиюньской системы (1908–1909) // Исторические записки. РАН СССР. – 1955. – Т. 53. С. 50-109
2. Аврех А.Я. Аграрный вопрос в третьей Думе // Исторические записки. 1958. №63. С. 26-83
3. Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. М.: Наука, 1966.
4. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989.
5. Бажин А.А. Борьба партии большевиков против черносотенного движения в годы Первой русской революции (1905–1907 гг.): Дис... канд. ист. наук. М., 1979.
6. Барандов Г.В. Столыпинская реакция. М.: Государственное изд-во полит. лит-ры, 1938.
7. Бондаренко К.М. Русские и белорусские монархисты в литературе 20–30-х гг. прошлого века // *Białoruskie Zeszyty Historyczne, Беларускі гістарычны зборнік*. – 2011. – №35. С. 127-139
8. Волобуев П.В., Лейберов И.П. Пролог Октября. К 50-летию Февральской буржуазно-демократической революции // *Коммунист*. 1959. № 3.
9. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 1. Д. 23. Л. 43–43об. Доклад председателя Аккерманского отдела Союза русского народа к утвержденной программе совещаний съезда в г. Нижнем Новгороде 26 ноября 1915 г.
10. ГАРФ. Ф. 116. Оп. 2. Д. 77. Л. 1об.
11. Горовский Ф.Я. Борьба большевиков за разрешение национального вопроса в годы революционного подъема (по материалам IV Государственной думы). М., 1950.
12. Государственная дума. Стенографические отчеты. Созывы первый – четвертый. СПб. [Пг.], 1906–1917.
13. Демин В.Т. Социал-демократическая фракция большевиков в IV Государственной думе (1912–1914 гг.). М., 1947.
14. Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911–1914 годах: разложение третьеиюньской системы. Л.: Наука, 1988.
15. Дякин В.С. Самодержавие: буржуазия и дворянство. Л., 1978.
16. Завадская Л.В. Аграрный вопрос в I Государственной думе и борьба большевиков за крестьянство // *Большевики во главе Первой русской революции 1905–1907 годов*. Под ред. Ф. Д. Кретьова (гл. ред.) [и др.]. М., 1956. С. 431-438
17. Заславский Д.О. Рыцарь монархии Шульгин. М.: Прибой, 1927.
18. Зевелев А.И., Свириденко Ю.П., Павлов Д.Б., Степанский А.Д. Теоретико-методологические, историографические и археографические аспекты // *Политические партии России: история и современность*. М.: РОССПЭН, 2000. С. 5-66
19. Зеленов М.В. Спецхран и историческая наука в Советской России в 1920–1930-е годы // *Отечественная история*. 2000. № 2. С. 129-141
20. Иванова А.И. Из опыта борьбы казанских большевиков против идеологии черносотенства в революции 1905–1907 гг. // *Общественные отношения развитого социализма: (Вопр. теории и истории становления и совершенствования)* / [Редкол.: Щелкунов М. Д. (отв. ред.) и др.]. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1985.
21. Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977.
22. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП(б). М.: Правда, 1938.
23. Кандидов Б.П. Крестом и нагайкой: Почаевская лавра и черносотенное движение. М., 1928.
24. Кандидов Б.П. Церковь в 1905 году (очерки и материалы). М., 1930.
25. Карпунин Д.В. Отечественная историография черносотенных союзов и организаций. Дис. канд. ист. наук. М. 2008.
26. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001.
27. Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политические партии в России в 1905–1907 годах: численность, состав, размещение // *История СССР*. 1990. № 4. С. 71-87
28. Кичеев В.Г. Историография черносотенно-монархических организаций в России в начале XX века // *Вестник Томского государственного университета*. 2008. № 315. С. 88-95
29. Кичеев В.Г. Советская историография черносотенно-монархических организаций в России в начале XX века // *Иркутский историко-экономический ежегодник*. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. С. 33-40
30. Ковальчук М.А. Большевики в третьей Государственной думе. Л., 1950.
31. Коган И. Карательные экспедиции. М., 1925.
32. Комин В.В. Банкротство буржуазных партий в России в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1965.
33. Комин В.В. История помещичьих, буржуазных и мелкобуржуазных политических партий в России. Факультативный курс лекций для студентов исторического факультета педагогического института. Ч. I (1900 – июнь 1917 гг.). Калинин, 1970.

34. Королёва Н.Г. Помещичье-монархические организации в 1905–1907 годах. Образование, структура, тактика // Непролетарские партии России в трёх революциях / под ред. К.В. Гусева. М.: Наука, 1989. С. 101-104
35. Костомаров Г.Д. Чёрная сотня под флагом религии. М., 1931.
36. Кризис самодержавия в России. Л.: Наука, 1984.
37. Ленин В.И. Столыпин и революция // Полное собрание сочинений. Изд. пятое. Т. 20. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1973. С. 324-333
38. Лукоянов И.В. Дякин как историк // На пути к революционным потрясениям: из истории России второй половины XIX – начала XX века: материалы конференции памяти В.С. Дякина / РАН Ин-т рос. ист. СПб. фил.; РАН Ин-т рос. ист. СПб. фил. СПб.-Кишинев: Nestor-Historia, 2001. С. 29-37
39. Любош С.Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. Л., 1925.
40. Мазис С.М. Вопрос о страховании рабочих в III Государственной думе и страховая кампания 1912–1914 годов. М., 1952.
41. Монархия перед крушением. Бумаги Николая II и другие документы. М.-Л., 1927.
42. Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: материалы конференции / под общ. ред. акад. И.И. Минца. М., 1982.
43. Непролетарские партии России в трех революциях / под ред. К.В. Гусева. М.: Наука, 1989.
44. Непролетарские партии России. Урок истории. М.: Мысль, 1984.
45. Нечкина М.В. А.С. Грибоедов и декабристы. М.: Гослитиздат, 1947.
46. Нечкина М.В. Восстание 14 декабря 1825 года. М.: Изд-во АН СССР, 1951.
47. Ольховский М.З. Внутридумская деятельность большевистской фракции IV Государственной думы. М., 1952.
48. Орлов И.Б. Историк сталинской эпохи на «фронте исторической науки» // Харьківський історіографічний збірник. Вип. 11. Х.: ХНУ імені Каразіна, 2012. С. 117-130
49. Панкратова А.М. Первая русская революция 1905–1907 годов. М.: Политиздат, 1940.
50. Попов Ф.К. Попы-черносотенцы. Иваново-Вознесенск, 1932.
51. Ростов Н.М. Духовенство и русская контрреволюция конца династии Романовых. М., 1930.
52. Русские в XX веке. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2004.
53. Рылов В.Ю. Правое движение в Воронежской губернии (1903–1917). Воронеж, 2002.
54. Семенников В.П. Монархия перед крушением 1914–1917: бумаги Николая II и другие документы. М.-Л., 1927.
55. Слепков А.Н. Классовые противоречия в I Государственной думе / под. общ. ред. М.Н. Покровского. Пг., 1923.
56. Союз русского народа. По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 году / сост. А. Черновский; ред. и вступ. ст. В.П. Викторова. М.-Л., 1929.
57. Спиринов Л.М. Еще раз о теоретико-методологических вопросах изучения истории непролетарских партий России // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: материалы конференции / под общ. ред. акад. И.И. Минца. М., 1982. С. 3-10
58. Спиринов Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М.: Мысль, 1977.
59. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Т. 1–7. М.-Л., 1924–1927.
60. Степанов С.А. Банкротство аграрной программы черносотенных союзов. Якутск: Якут. фил. Сиб. отд. АН СССР, 1981.
61. Степанов С.А. Идеология черносотенных союзов и организаций // Проблемы истории СССР. М., 1982. Вып. 12. С. 170-182
62. Степанов С.А. Программы черносотенных организаций (1905–1907 гг.) // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 105-111
63. Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М.: Яуза-Пресс, 2013.
64. Стеценко А.И., Точеный Д.С. Черносотенцы Поволжья в 1905 году (к истории борьбы социал-демократии с погромами правых монархистов) // Классовая борьба в Поволжье в 1905–1907 годах. Куйбышев, 1985. С. 84-89
65. Стогов Д.И. Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Алгоритм, 2012.
66. Сысоева Е.К. Политика идеологического воздействия черносотенных партий на рабочих в годы Первой русской революции: по материалам Москвы и Московской губернии: Дис... канд. ист. наук. М., 1978.
67. Тагер А.С. Царская Россия и дело Бейлиса. 2-е изд. М., 1934.

■ История

68. Тамаркина Б.М. Партия большевиков в период Первой русской революции. М., 1958.
69. Телицын В.Л. Павел Васильевич Волобуев (1923–1997) // Историки России: послевоенное поколение. М.: АИРО-XX, 2000. С. 57–78
70. Титлинов В.П. Православие на службе самодержавия: из истории революционного движения учащейся молодежи духовных и средних учебных заведений, 1860–1905 годы. Л., 1924.
71. Титлинов В.П. Церковь во время революции. Пг., 1924.
72. Тихонов В.В. Историческая наука в 1920-е годы: историографические заметки // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 30 (321). С. 101-108
73. Томсинский С.Г. Борьба классов и партий в первой Государственной думе. Ростов н/Д, 1924.
74. Чемерисский И.А. Историография правомонархических организаций (1905–1920) // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции: материалы конференции / под общ. ред. акад. И.И. Минца. М., 1982. С. 66-73
75. Черменский Е.Д. Борьба партий и классов в IV Государственной думе (1912–1917 гг.). М., 1947.
76. Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 годов. М.-Л., 1939.
77. 1905 год. История революционного движения в отдельных очерках. Истпарт ЦК РКП(б) / под ред. М.Н. Покровского. Т. 2. М.-Л.: ГИЗ, 1925.
78. Вдовин А.И. Русский народ и проблемы формирования советской исторической общности (1930-е гг.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/41178.php>
79. Работы Е.Д. Черменского о проблемах Февральской революции и ее предпосылках. Между двух революций. 1905–1917 [Электронный ресурс] // Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы «НЕСТОР». 2000. № 3. Режим доступа: <http://secrethistory.su/1324-raboty-ed-chermenskogo-o-problemah-fevral'skoy-revoljucii-i-ee-predposylkah.html>
80. Шанин Т. Уроки истории и следующая революция: границы политического воображения // Отечественные записки. 2002. Вып. № 4–5 (5–6). <http://www.strana-oz.ru/2002/4/uroki-istorii-i-sleduyushchaya-revoljuciya-granicy-politicheskogo-voobrazheniya>.

Об авторе

Ивакин Григорий Анатольевич – д.и.н., заместитель начальника Управления образовательной политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: ivakin@ranepa.ru.

THE CONCEPT OF THE «BLACK HUNDREDS» IN THE SOVIET HISTORICAL SCIENCE: RUNNING IN CIRCLES

Grigory A. Ivakin

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). 82/5 Prospect Vernadskogo, Moscow, Russia, 119571.

Abstract: *During the Soviet period, the right monarchism was considered by historians of our country as part of general methodological approaches to the study of non-proletarian parties. As ideological and political antagonist of Bolshevism, the Black Hundreds were interpreted as the most reactionary political movement of pre-revolutionary Russia. As a result, the full scientific debate on the right monarchism in the Soviet period did not take place, and Soviet historians failed to form a historical concept of the Black Hundreds as an ideological and political trend in the early twentieth century.*

Key words: Black Hundreds, the right monarchism, Soviet historical science, historiography, methodology.

References

1. Avreh A.Ja. III Duma i nachalo krizisa tret'eijun'skoj sistemy (1908–1909) [The Third Duma and the beginning of crisis for the system of 3rd June]. Istoricheskie zapiski. RAN SSSR. 1955. T. 53. pp. 50-109
2. Avreh A.Ja. Agrarnyj vopros v tret'eij Dume [Rural problems in the Third Duma]. Istoricheskie zapiski. 1958. №63. pp. 26-83
3. Avreh A.Ja. Carizm i tret'eijun'skaja sistema [Tsarism and the system of 3rd June]. Moscow: Nauka, 1966.
4. Avreh A.Ja. Carizm nakanune sverzhenija [Tsarism before being ousted]. Moscow: Nauka, 1989.

5. Bazhin A.A. Bor'ba partii bol'shevikov protiv chernosotennogo dvizhenija v gody Pervoj russskoj revoljucii (1905–1907 gg.) [Bolshevik party struggle against far-right during World War I]: PhD in History thesis. Moscow, 1979.
6. Barandov G.V. Stolypinskaja reakcija [Oppresion under Stolypin]. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo polit. lit-ry, 1938.
7. Bondarenko K.M. Russkie i belorusskie monarhisty v literature 20–30-h gg. proshlogo veka [Russian and bielorrussian monarchists in literature of 1920-1930]. Białoruskie Zeszyty Historyczne, Belaruski gistorychny zbornik. 2011. №35. S. 127-139
8. Volobuev P.V., Lejberov I.P. Prolog Oktjabrja. K 50-letiju Fevral'skoj burzhuazno-demokraticeskoy revoljucii [Before the October. To 50th anniversary of the February bourgeois democratic revolution]. Kommunist. 1959. № 3.
9. GARF. F. 116. Op. 1. D. 23. L. 43–43ob. Doklad predsedatelja Akkermanskogo otdela Sojuza russskogo naroda k utverzhdennoj programme soveshhanij s'ezda v g. Nizhnem Novgorode 26 nojabrja 1915 g. [Report of the chairmain for Accerman division of the Union of the Russian People on the adopted agenda of the Union's convention, 26 November 1915]
10. GARF. F. 116. Op. 2. D. 77. L. 1ob.
11. Gorovskij F.Ja. Bor'ba bol'shevikov za razreshenie nacional'nogo voprosa v gody revoljucionnogo pod'ema (po materialam IV Gosudarstvennoj dumy) [Bolshevik's struggle for national problems resolution in the years of revolutionary boost]. Moscow, 1950.
12. Gosudarstvennaja дума. Stenograficheskie otchety. Sozvyvy pervyj – chetvertyj [State Duma. Full texts of speeches. 1-4 tenure]. Sanct-Petersberg, 1906–1917.
13. Demin V.T. Social-demokraticeskaja frakcija bol'shevikov v IV Gosudarstvennoj dume (1912–1914 gg.) [Social-democratic bolshevik faction in the 4th Duma]. Moscow, 1947.
14. Djakin V.S. Burzhuazija, dvorjanstvo i carizm v 1911–1914 godah: razlozhenie tret'eijun'skoj sistemy [the bourgeoisie, the nobility and tsarism in 1911-1914: decline of the system of 3rd June]. Leningrad: Nauka, 1988.
15. Djakin V.S. Samoderzhavie: burzhuazija i dvorjanstvo [The absolute monarchy: the bourgeoisie and the nobility]. Leningrad, 1978.
16. Zavadskaia L.V. Agrarnyj vopros v I Gosudarstvennoj dume i bor'ba bol'shevikov za krest'janstvo [The rural problems in the 1st Duma and the bolshevik struggle for the peasantry]. Bol'sheviky vo glave Pervoj russskoj revoljucii 1905–1907 godov. Ed. by F. D. Kretova (gl. red.) [i dr.]. Moscow, 1956. pp. 431–438
17. Zaslavskij D.O. Rycar' monarhii Shul'gin [The Monarchial Knight Shulgin]. Moscow: Priboj, 1927.
18. Zevelev A.I., Sviridenko Ju.P., Pavlov D.B., Stepanskij A.D. Teoretiko-metodologicheskie, istoriograficheskie i arheograficheskie aspekty [Theoretical and methodological, historiographical and archeographic aspects]. Politicheskie partii Rossii: istorija i sovremennost'. M.: ROSSPJeN, 2000. pp. 5-66
19. Zelenov M.V. Spechran i istoricheskaja nauka v Sovetskoj Rossii v 1920–1930-e gody [Special savings and historical science in Soviet Russia in 1920-1930]. Otechestvennaja istorija. 2000. № 2. pp. 129-141
20. Ivanova A.I. Iz opyta bor'by kazanskih bol'shevikov protiv ideologii chernosotenstva v revoljucii 1905–1907 gg. [Kazan's bolsheviks' experience in fighting against far-right ideology in 1905-1907]. Obshhestvennye otnoshenija razvitogo socializma: (Vopr. teorii i istorii stanovlenija i sovershenstvovanija) / [Redkol.: Shhelkunov M. D. (otv. red.) i dr.]. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1985.
21. Ioffe G.3. Krah rossijskoj monarhicheskoj kontrrevoljucii [The collapse of Russian monarchic counter-revolution]. Moscow, 1977.
22. Istorija Vsesojuznoj kommunisticheskoj partii (bol'shevikov). Kratkij kurs [History of All-Russian Communist Party (bolsheviks). The short course]. pod red. komissii CK VKP(b). Moscow: Pravda, 1938.
23. Kandidov B.P. Krestom i nagajkoj: Pochaevskaia lavra i chernosotennoe dvizhenie [Pochavskaya Lavra and far-right movement]. Moscow, 1928.
24. Kandidov B.P. Cerkov' v 1905 godu (ocherki i materialy) [The church in 1905]. Moscow, 1930.
25. Karpuhin D.V. Otechestvennaja istoriografija chernosotennyh sojuzov i organizacij [Russian historiography of far-right unions and organizations]. PhD in History thesis. Moscow, 2008.
26. Kir'janov Ju.I. Pravye partii v Rossii. 1911–1917 gg. [Right parties in Russia. 1911-1917]. Moscow, 2001.
27. Kiselev I.N., Korelin A.P., Shelohaev V.V. Politicheskie partii v Rossii v 1905–1907 godah: chislennost', sostav, razmeshhenie [Political parties in Russia in 1905-1907: numbers, structure, location]. Istorija SSSR. 1990. № 4. pp. 71-87
28. Kicheev V.G. Istorigrafija chernosotенno-monarhicheskikh organizacij v Rossii v nachale XX veka [Historiography of far-right organizations in Russia at the beginning of XX century]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. № 315. pp. 88-95
29. Kicheev V.G. Sovetskaja istoriografija chernosotенno-monarhicheskikh organizacij v Rossii v nachale XX veka [Soviet historiography of far-right organizations in Russia at the beginning of XX century]. Irkutskij istoriko-jekonomicheskij ezhegodnik. Irkutsk: Izd-vo BGUJeP, 2007. pp. 33-40

■ История

30. Koval'chuk M.A. Bol'sheviki v tret'ej Gosudarstvennoj dume [Bolsheviks in the 3rd Duma]. Leningrad, 1950.
 31. Kogan I. Karatel'nye jekspedicii [Punishing operations]. Moscow, 1925.
 32. Komin V.V. Bankrotstvo burzhuaznyh partij v Rossii v period podgotovki i pobedy Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii [Bankruptcy of bourgeois parties in Russia during the period before the Great October socialist Revolution]. Moscow, 1965.
 33. Komin V.V. Istorija pomeshhich'ih, burzhuaznyh i melkoburzhuaznyh politicheskikh partij v Rossii. Fakul'tativnyj kurs lekcij dlja studentov istoricheskogo fakul'teta pedagogicheskogo instituta. Ch. I (1900 – ijun' 1917 gg.) [The history of nobleman, bourgeois and little- bourgeois political parties in Russia. Additional course. Part I]. Kalinin, 1970.
 34. Koroleva N.G. Pomeshchic'e-monarhicheskie organizacii v 1905–1907 godah [Landowners' and monarchist organizations in 1905-1907]. Obrazovanie, struktura, taktika. Neproletarskie partii Rossii v treh revoljucijah / Ed. by K.V. Gusev. Moscow: Nauka, 1989. pp. 101-104
 35. Kostomarov G.D. Chernaja sotnja pod flagom religii [Far-right allies with religion]. Moscow, 1931.
 36. Krizis samodržavija v Rossii [The crisis of autocrat monarchy in Russia]. Leningrad: Nauka, 1984.
 37. Lenin V.I. Stolypin i revoljucija [Stolypin and the revolution]. Polnoe sobranie sochinenij. Izd. pjatoe. T. 20. Moscow: Izd-vo polit. lit-ry, 1973. pp. 324-333
 38. Lukojanov I.V. Djakin kak istorik [Dyakin as a historian]. Na puti k revoljucionnym potrjasenijam: iz istorii Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX veka: materialy konferencii pamjati V.S. Djakina / RAN In-t ros. ist. SPb. fil.; RAN In-t ros. ist. SPb. fil. Sanct-Petersberg-Kishinev: Nestor-Historia, 2001. pp. 29-37
 39. Ljubosh S.B. Russkij fashist Vladimir Purishkevich [Russian fashist Vladimir Purishkevich]. Leningrad, 1925.
 40. Mazis S.M. Vopros o strahovanii rabochih v III Gosudarstvennoj dume i strahovaja kampanija 1912–1914 godov [The issue of labour insurance in 3rd Duma and the campaign for insurance in 1912-1914]. Moscow, 1952.
 41. Monarhija pered krusheniem. Bumagi Nikolaja II i drugie dokumenty [Monarchy before bapticing. Nikolay the Second's papers]. Moscow-Leningrad, 1927.
 42. Neproletarskie partii Rossii v gody burzhuazno-demokraticeskikh revoljucij i v period nazrevanija socialisticheskoj revoljucii: materialy konferencii [Non-proletarian parties during bourgeois democratic revolutions and preparing for the socialist revolution]. Ed by akad. I.I. Minc. Moscow, 1982.
 43. Neproletarskie partii Rossii v treh revoljucijah [Non-proletarian parties under three revolutions]. Ed by K.V. Gusev. Moscow: Nauka, 1989.
 44. Neproletarskie partii Rossii. Urok istorii [Non-proletarian. Historical lessons]. Moscow: Mysl', 1984.
 45. Nechkina M.V. A.S. Griboedov i dekabristy [Griboedov and the Decembrists]. Moscow: Goslitizdat, 1947.
 46. Nechkina M.V. Vosstanie 14 dekabrja 1825 goda [The uprising of 14 December 1825]. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1951.
 47. Ol'hovskij M.Z. Vnutridumskaja dejatel'nost' bol'shevistskoj frakcii IV Gosudarstvennoj dumy [Inner-Parliamentary activities of bolshevik faction in 4th Duma]. Moscow, 1952.
 48. Orlov I.B. Istorik stalinskoj jepohi na «fronte istoricheskogo nauki» [Historian of the Stalinist era on the front of historical science]. Har'kivskij istoriografichnij zbirnik. Vip. 11. H.: HNU imeni Karazina, 2012. pp. 117-130
 49. Pankratova A.M. Pervaja russkaja revoljucija 1905–1907 godov [The First Russian Revolution, 1905-1907]. Moscow: Politizdat, 1940
 50. Popov F.K. Popy-černosotency. Ivanovo-Voznesensk, 1932.
 51. Rostov N.M. Duhovenstvo i russkaja kontrevoljucija konca dinastii Romanovyh [The clergy and the Russian counter-revolution at the end of Romanov's era]. Moscow, 1930.
 52. Russkie v XX veke [the Russians in XX century]. Moscow: OLMA Media Grupp, 2004.
 53. Rylov V.Ju. Pravoe dvizhenie v Voronezhskoj gubernii (1903–1917) [Right movements in Voronezh region]. Voronezh, 2002.
 54. Semennikov V.P. Monarhija pered krusheniem 1914–1917: bumagi Nikolaja II i drugie dokumenty [The monarchy before the collapse in 1914-1917: Nikolay the Second's papers]. Moscow-Leningrad, 1927.
 55. Slepkov A.N. Klassovyje protivorečija v I Gosudarstvennoj dume [The class divisions in 1st Duma]. Ed. by M.N. Pokrovskij. Sanct-Petersburg, 1923.
 56. Sojuz russkogo naroda. Po materialam Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii Vremennogo pravitel'stva v 1917 godu [The Union of the Russian people. Materials of the Urgent investigational commission in 1917]. sost. A. Chernovskij; red. i vstup. st. V.P. Viktorova. Moscow-Leningrad, 1929.
 57. Spirin L.M. Eshhe raz o teoretiko-metodologičeskikh voprosah izuchenija istorii neproletarskikh partij Rossii [Once again on the theoretical and methodological issues of Russian non-proletarian parties' history]. Neproletarskie partii Rossii v gody burzhuazno-demokraticeskikh revoljucij i v period nazrevanija socialisticheskoj revoljucii: materialy konferencii. Ed. by akad. I.I. Minc. Moscow, 1982. pp. 3-10
 58. Spirin L.M. Krushenie pomeshhich'ih i burzhuaznyh partij v Rossii (nachalo XX v. – 1920 g.) [The collapse of landowners' and bourgeois parties in Russia]. Moscow: Mysl', 1977.
-

59. Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanij, dannyh v 1917 g. v Chrezvychajnoj sledstvennoj komissii Vremennogo pravitel'stva [Full texts of interrogation and statements of the Urgent investigational commission in 1917]. T. 1–7. Moscow-Leningrad, 1924–1927.
60. Stepanov S.A. Bankrotstvo agrarnoj programmy chernosotennyh sojuzov [The bankruptcy of agrarian agenda of far-right parties]. Jakutsk: Jakut. fil. Sib. otd. AN SSSR, 1981.
61. Stepanov S.A. Ideologija chernosotennyh sojuzov i organizacij [The ideology of far-right unions and organizations]. Problemy istorii SSSR. M., 1982. Vyp. 12. S. 170-182
62. Stepanov S.A. Programmy chernosotennyh organizacij (1905–1907 gg.) [Programs of far-right organizations in 1905-1917]. Neproletarskie partii Rossii v treh revoljucijah. Moscow, 1989. pp. 105-111
63. Stepanov S.A. Chernaja sotnja. Chto oni sdelali dlja velichija Rossii? [The Black hundred. What did the do for Russian greatness?] Moscow: Jauza-Press, 2013.
64. Stecenko A.I., Tochenyj D.S. Chernosotency Povolzh'ja v 1905 godu (k istorii bor'by social-demokratii s pogromami pravyh monarhistov) [Far-rightist in the Volga region]. Klassovaja bor'ba v Povolzh'e v 1905–1907 godah. Kujbyshev, 1985. pp. 84-89
65. Stogov D.I. Chernosotency: zhizn' i smert' za velikuju Rossiju [The Black Hundred: life and death for the great Russia]. Ed. by O.A. Platonov. Moscow: Algoritm, 2012.
66. Sysoeva E.K. Politika ideologicheskogo vozdejstvija chernosotennyh partij na rabochih v gody Pervoj russkoj revoljucii: po materialam Moskvy i Moskovskoj gubernii: PhD in History Thesis [Far-right parties ideological policy towards proletarians during the First Russian Revolution]. Moscow, 1978.
67. Tager A.S. Carskaja Rossija i delo Bejlisa [Tsarist Russia and Bejlis' case]. 2-e izd. Moscow, 1934.
68. Tamarkina B.M. Partija bol'shevikov v period Pervoj russkoj revoljucii [Bolshevik party during the First Russian Revolution]. Moscow, 1958.
69. Telicyn V.L. Pavel Vasil'evich Volobuev (1923–1997). Istoriki Rossii: poslevoennoe pokolenie. Moscow: AIRO-HH, 2000. pp. 57–78
70. Titlinov V.P. Pravoslavie na sluzhbe samodержavija: iz istorii revoljucionnogo dvizhenija uchashhejsja molodezhi duhovnyh i srednih uchebnyh zavedenij, 1860–1905 gody [The Orthodoxy service to autocrat monarchy: from the history of revolutionary movement of students of religious and middle-level schools]. Leningrad, 1924.
71. Titlinov V.P. Cerkov' vo vremja revoljucii [The Church during the Revolution]. Sanct-Petersburg, 1924.
72. Tihonov V.V. Istoricheskaja nauka v 1920-e gody: istoriograficheskie zametki [Historical science in 1920-1929: historiographic notes]. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 30 (321). pp. 101-108
73. Tomsinskij S.G. Bor'ba klassov i partij v pervoj Gosudarstvennoj dume [Class fighting and parties in the 1st Duma]. Rostov on the Done, 1924.
74. Chemerisskij I.A. Istorigrafija pravomonarhicheskikh organizacij (1905–1920) [Historiography of right monarchic organization in 1905-1920]. Neproletarskie partii Rossii v gody burzhuazno-demokraticeskikh revoljucij i v period nazrevanija socialisticheskoj revoljucii: materialy konferencii. Ed. by akad. I.I. Minc. Moscow, 1982. S. 66-73
75. Chermenskij E.D. Bor'ba partij i klassov v IV Gosudarstvennoj dume (1912–1917 gg.) [Class fighting and parties in the 4th Duma]. Moscow, 1947.
76. Chermenskij E.D. Burzhuazija i carizm v revoljucii 1905–1907 godov [The bourgeoisie and tsarism in revolution 1905-1907]. Moscow-Leningrad, 1939.
77. 1905 god. Istorija revoljucionnogo dvizhenija v otdel'nyh ocherkah. Istpart CK RKP(b) [History of revolutionary movement in certain articles]. Ed. by M.N. Pokrovskiy. T. 2. Moscow-Leningrad: GIZ, 1925.
78. Vdovin A.I. Russkij narod i problemy formirovanija sovetskoj istoricheskoj obshhnosti (1930-e gg.). [Electronic resource]. Mode of access: <http://www.portal-slovo.ru/history/41178.php>
79. Raboty E.D. Chermenskogo o problemah Fevral'skoj revoljucii i ee predposylkah. Mezhdvu dvuh revoljucij. 1905–1917 [Electronic resource]. Ezhekvar'tal'nyj zhurnal istorii i kul'tury Rossii i Vostochnoj Evropy «NESTOR». 2000. № 3. Mode of access: <http://secrethistory.su/1324-raboty-ed-cherenskogo-o-problemah-fevral'skoj-revoljucii-i-ee-predposylkah.html>
80. Shanin T. Uroki istorii i sledujushhaja revoljucija: granicy politicheskogo voobrazhenija [Electronic resource]. Otechestvennye zapiski. 2002. Vyp. № 4–5 (5–6). Mode of access: <http://www.strana-oz.ru/2002/4/uroki-istorii-i-sleduyushchaya-revoljuciya-granicy-politicheskogo-voobrazheniya>.

About the author

Grigory A. Ivakin – Doctor of Historical Sciences, Department of educational policy, Deputy Chief Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.
E-mail: ivakin@ranepa.ru.